

Законодательные дефиниции и проблемы квалификации преступлений по уголовному законодательству России

Как справедливо отмечает Н. Бабий, «правила квалификации преступлений построены в соответствии с законами логики, что обеспечивает их научную обоснованность. Сказанное позволяет предполагать, что прямое использование таких правил для уголовно-правовой оценки конкретных преступлений должно приводить к логичным и единственно верным выводам. Вместе с тем применение норм уголовного закона продолжает вызывать множество вопросов»¹. Почему же действующее уголовное законодательство в целом ряде случаев не позволяет дать однозначный, единственно верный вывод о том: является ли содеянное преступлением и как его правильно квалифицировать? Причин тому множество. А.В. Наумов, Б.А. Меринский, например, отмечают, что процессу квалификации и программированию применения норм права мешают оценочные понятия, которые необходимо конкретизировать². В юридической литературе приводятся и другие причины, вызывающие трудности в квалификации преступлений. Авторы настоящей статьи утверждают, что в целом ряде случаев проблемы квалификации возникают в связи с несовершенством уголовно-правовых дефиниций.

Конечно, мы осознаем, что проблема уголовно-правовых дефиниций не ограничивается только сложностями квалификации преступлений. Через уголовно-правовые дефиниции реализуются цели и задачи уголовного законодательства, уголовно-правовая политика государства в целом и т.д. Так, согласно Уголовному кодексу РФ, соучастие возможно только в умышленном преступлении. Такова воля законодателя. Сам по себе данный подход к опре-

¹ Бабий Н. Принципы построения уголовного закона и квалификация преступлений // Уголовное право. – 2006. – № 3. – С. 4.

² См.: Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм. (По материалам следственной и прокурорско-судебной практики): Учеб. пос. – Волгоград, 1973. – С. 119–120; Меринский Б.А. Использование оценочных категорий органами внутренних дел при квалификации преступлений. – Ташкент: ТВШ МВД СССР, 1979. – С. 4.

делению соучастия не создает правоприменительных проблем, но сужает сферу действия уголовного законодательства. Например, прораб, приказным тоном распорядившийся сбросить с крыши оставшиеся куски рубероида, в результате чего по неосторожности наступила смерть человека, не будет привлечен к уголовной ответственности по ст. 109 УК РФ, т.к. он участвовал умышленно совместно с рабочей бригадой, но в совершении неосторожного преступления, что по российскому уголовному законодательству не образует соучастия.

Признавая многогранную роль уголовно-правовых дефиниций, мы подчеркиваем, что в данной статье анализируем в первую очередь влияние уголовно-правовых дефиниций на квалификацию преступлений. В связи с этим полагаем необходимым привести точку зрения Т.В. Губаевой и А.С. Пиголкина, которые отмечают, что законодательные дефиниции необходимы в целом ряде случаев, в т.ч. тогда, когда понятие по-разному трактуется юридической наукой и практикой¹. Данная точка зрения примечательна тем, что она как бы определяет направление нашего исследования. Можно предположить, что в целом ряде случаев именно отсутствие или несовершенство уголовно-правовых дефиниций порождает проблемы и ошибки в квалификации преступлений, а также наиболее жаркие научные споры и дискуссии по поводу толкования уголовного закона.

Вызывает неподдельный интерес отсутствие в УК РФ дефиниций таких ключевых в уголовном праве понятий, как уголовная ответственность и состав преступления, отсутствие определения и даже простого перечисления признаков состава преступления. Ситуация сама по себе неординарная, особенно если учесть, что наличие в действиях лица всех признаков состава преступления является, согласно ст. 8 УК РФ, единственным основанием уголовной ответственности. Между тем отсутствие законодательной регламентации состава преступления и его элементов и признаков не позволяет уни-

¹ См.: Губаева Т.А., Пиголкин А.С. Актуальные проблемы законотворчества // Проблемы законодательной техники. – Нижний Новгород, 2000. – С. 280.

фицировать уголовное законодательство, четко сформулировать иные дефиниции. Так, например, из-за отсутствия определения объективной стороны преступления законодатель не смог четко сформулировать покушение на преступление, а также отграничить соисполнителя от пособника.

Не совсем удачно, на наш взгляд, осуществлена законодательная регламентация субъективной стороны состава преступления в УК РФ 1996 г. В первую очередь это относится к вине как обязательному признаку состава преступления. И дело даже не в том, что УК РФ не содержит определения вины. Проблемы для правоприменителя связаны с законодательным дефинициями форм вины. Так, например, в УК РФ даются определения форм вины применительно к материальным составам преступления. В связи с этим аксиома уголовного права о том, что преступления с формальным составом могут совершаться исключительно с прямым умыслом, все чаще подвергается сомнению. Так, например, С.В. Складов утверждает, что преступления с формальным составом могут совершаться с косвенным умыслом и даже ставит «под сомнение вывод о невозможности совершения преступления с формальными составами с неосторожной виной»¹.

Вызывает определенные затруднения при разграничении прямого и косвенного умысла включение законодателем в определение прямого умысла термина «неизбежность». Вся юридическая общественность в ходе толкования «предвидения *неизбежности* наступления общественно опасных последствий» раскололась на два непримиримых лагеря. Одни полагают, что неизбежность общественно опасных последствий подразумевает прямой умысел². Другие считают, что одного предвидения наступления общественно опасных последствий недостаточно для прямого умысла. Необходимо доказывать еще и желание их наступления. А между тем, от того какой точки зрения придерживаться, зависит квалификация преступления. Допустим, виновный заложил в самолет бомбу с целью покончить с жизнью своего конкурента по биз-

¹ Складов С.В. Вина и мотивы преступного поведения. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 15–16.

² См.: Складов С.В. Указ. соч. – С. 36.

несу. В результате взрыва все пассажиры и члены экипажа погибли. Если вы сторонник отождествления неизбежности причинения общественно опасных последствий с прямым умыслом, то квалифицируете содеянное как убийство двух и более лиц, совершенное с прямым умыслом. Если же вы полагаете, что помимо неизбежности необходимо доказывать еще и желание наступления общественно опасных последствий, то, квалифицируете содеянное как убийство одного человека общеопасным способом с прямым умыслом и убийство двух и более людей с косвенным умыслом.

Существуют проблемы разграничения косвенного умысла и легкомыслия. К примеру, К. и С. избili зимой на улице П. и, уходя, предупредили его, что избиеение будет продолжаться каждую неделю до тех пор, пока П. не вернет долг. Вследствие причиненных травм П. не смог подняться на ноги, замерз и умер. Если буквально толковать положения УК РФ, то в действиях К. и С. не будет косвенного умысла, т.к. они исходя из фабулы дела не допускали смерти П. и не относились к ней безразлично. Но не будет в действиях виновного и легкомыслия, т.к. отсутствует самонадеянность в расчете на предотвращение смерти П. Из сложившейся ситуации выход один – обратиться к теории уголовного права, в которой расчет на «авось» в предотвращении последствий рассматривается как косвенный умысел.

Вследствие того, что законодательные дефиниции форм вины несовершенны и не позволяют провести четкие грани между прямым и косвенным умыслом, косвенным умыслом и легкомыслием и т.д., теоретики вынуждены выявлять и другие признаки, позволяющие отграничить одну форму вины от другой. Так, например, в теории уголовного права указывается, что прямой умысел будет в том случае, если преступные последствия являются прямой или промежуточной целью действий виновного¹. В свою очередь, в качестве критерия разграничения косвенного умысла и легкомыслия в теории

¹ См.: *Дажель П.С.* Субъективная сторона преступления. – М., 1972. – С. 188-189.

уголовного права рассматривают степень уверенности лица в надежде на ненаступление вредных последствий¹.

Именно несовершенство дефиниций, на наш взгляд, приводит к тому, что институт соучастия в преступлении является одним из наиболее спорных в науке уголовного права. Такой вывод можно сделать хотя бы на основании того, что соучастие в преступлении является наиболее часто затрагиваемой темой в рубрике «уголовное право» журналов юридической направленности. Причем большинство статей, посвященных соучастию в преступлении, носят ярко выраженный дискуссионный характер. И практически в каждом научном труде, посвященном проблеме соучастия, можно встретить такие высказывания как: «не правы и Пленум и В.М. Быков, которые пытаются втиснуть в соучастие без предварительного сговора какую-то часть соучастия с предварительным сговором»², «казалось бы, достаточно ясная и обоснованная позиция о признаках группы лиц вызвала резкую критику со стороны А.П. Козлова»³, «положения Ковалева М.И. и Тельнова П.Ф. подрывают принцип самостоятельности ответственности соучастников преступления»⁴, «вызывают возражение рекомендации И. Гонтаря по внесению изменений в уголовный закон»⁵

Наибольшие проблемы при квалификации связаны, на наш взгляд, с недостаточно содержательным законодательным определением группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группой и преступного сообщества. Во-первых, из анализа ст. 35 УК РФ нельзя сделать однозначный вывод о том, сколько исполнителей должно быть, чтобы действия соучастников можно было квалифицировать как совершенные группой лиц

¹ См.: *Скляр С.В.* Указ. соч. – С. 42.

² *Козлов А.П.* Соучастие: традиции и реальность. – СПб: Юридический центр Пресс, 2001. – С. 231.

³ *Быков В.* Виды преступных групп: проблемы разграничения // Уголовное право – 2005. – № 2. – С. 18.

⁴ *Качалов В.* Соотношение принципов акцессорности и самостоятельности ответственности соучастников преступления по российскому уголовному праву // Уголовное право – 2005. – № 5. – С. 28.

⁵ *Коробов Г.* Исполнитель преступления: проблемы теории, законодательной регламентации и судебной практики // Уголовное право – 2006. – № 2. – С. 46.

по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (ваш выход, Сергей Иванович).

Во-вторых – указанных в законе признаков недостаточно для того, чтобы провести четкую грань между группой лиц и группой лиц по предварительному сговору, группой лиц по предварительному сговору и организованной группой, организованной группой и преступным сообществом. Все это порождает проблемы толкования и правоприменения. Так, например, А.П. Козлов полагает, что группа лиц будет в том случае, если 1) сговор не возникает вообще; 2) или сговор возникает после начала совершения преступления¹. В свою очередь, В. Быков полагает, что группа лиц будет и в том случае, если «до начала совершения между участниками достигается соглашение о его совместном совершении, которое, однако, не носит характер предварительного сговора».

Не меньшие проблемы возникают и в связи с отграничением группы лиц по предварительному сговору от организованной группы. Н.Г. Иванов полагает, например, что законодательная формулировка данных видов преступных групп делает такое отграничение практически невозможным². Действительно, трудно отграничить «заранее договорились» от «заранее объединились», «устойчивость» от «неустойчивости». Тем более, что некоторые признаки, которые, по мнению Верховного Суда РФ, характеризуют организованную группу (устойчивость, наличие в ее составе организатора и заранее разработанного плана совместной преступной деятельности, распределение функций между членами группы при подготовке к совершению преступления и осуществлении преступного умысла, тщательное планирование преступления, подготовка орудия преступления заранее)³, в теории уголовного права

¹ Козлов А.П. Указ. соч. – С. 233.

² Иванов Н.Г. Парадоксы уголовного закона // Государство и право. — 1998. — № 3. — С. 55.

³ См., например: Пункт 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2003. — № 2; пункт 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1999. — № 3.

относят и к группе лиц по предварительному сговору. Так, например, В. Быков указывает, что одним из признаков группы Лиц по предварительному сговору является распределение ролей¹

Говоря о несовершенстве уголовного законодательства, нельзя не отметить, что определение соисполнителя, данное в части 2 статьи 33 УК РФ, не позволяет сделать однозначный вывод о том, кем является лицо, присутствующее на месте совершения преступления и помогающее виновному (например, удерживающее потерпевшего перед его убийством, ограблением, похищением и т. д.). Судебная практика и мнения теоретиков уголовного права по данному вопросу также далеко не однородны.

Существует проблема дефиниции конкуренции уголовно-правовых норм в УК РФ. «Если одно преступление подпадает под несколько составов преступления, то назначается наиболее тяжкое из предусмотренных наказаний»². Так гениально просто с легкой руки законодателя решена проблема конкуренции уголовно-правовых норм в Японии. Но это в Японии. В УК РФ вопрос законодательной регламентации конкуренции уголовно-правовых норм практически полностью проигнорирован. Единственное законодательное положение о конкуренции содержится в части 3 статьи 17 «Совокупность преступлений» УК РФ: «...если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме». Что такое общая норма, что такое специальная норма, и как быть с такими проигнорированными законодателем, но выделяемыми в теории уголовного права видами конкуренции уголовно-правовых норм, как конкуренцией квалифицированного и особо квалифицированного составов, конкуренцией квалифицированного и привилегированного составов, конкуренцией целого и части?

¹ См.: Быков В. Виды преступных групп: проблемы разграничения // Уголовное право. — 2005. — № 2. — С. 20.

² Статья 54 Уголовного кодекса Японии // Уголовный кодекс Японии. — СПб., 2002. — С. 58.

Лаконичность законодателя в данном случае явно во вред правоприменителю, тем более что в теории уголовного права нет единого подхода к тому, что понимать под общей и специальной нормами, нормой-целым и нормой-частью. Не говоря уже о том, что нет единого подхода к природе самой конкуренции уголовно-правовых норм. Так, например, В.Н. Кудрявцев отмечает, что «нередко конкуренцию смешивают с коллизией. Между тем это различные понятия... При конкуренции норм никакой коллизии быть не может»¹. В свою очередь, Л.В. Иногамова-Хегай указывает, что «коллизия и конкуренция уголовно-правовых норм – тождественные понятия»².

В связи с ограниченным объемом статьи проанализируем наиболее проблемные, с точки зрения квалификации, аспекты конкуренции уголовно-правовых норм. Так, например, существенные разногласия в теории и практике возникают по поводу конкуренции общей и специальной норм. Н.В. Кудрявцев, например, рассматривает конкуренцию общей и специальной норм через призму совершенного деяния, а Л.В. Иногамова-Хегай – через соотношение признаков составов конкурирующих уголовно-правовых норм. Такое различие в подходах В.Н. Кудрявцева и Л.В. Иногамовой-Хегай имеет не только методологическое, но и практическое значение. В.Н. Кудрявцев, например, указывает, что в зависимости от ситуации статья 214 УК РФ может быть специальной по отношению к статье 243 УК РФ, а может и статья 243 УК РФ быть специальной по отношению к статье 214 УК РФ. Такой подход к конкуренции общей и специальной норм у Л.В. Иногамовой-Хегай исключен, так как главное ее требование к специальной норме заключается в том, что она должна обладать всеми существенными признаками общей нормы и конкретизировать один или несколько ее признаков³.

Отсутствие законодательного определения конкуренции целого и части также приводит к научным спорам и противоречивой судебной практике.

¹ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 2001. – С. 304.

² Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений: Учебное пособие. – М., 2002. – С. 9.

³ См. там же.

Анализ приговоров судов, например, показывает, что в аналогичных случаях одни суды квалифицируют действия виновных только по статье 209 УК РФ, а другие – по совокупности со статьей 222 УК РФ.

Существенные проблемы в квалификации преступлений вызывает отсутствие законодательного определения видов юридических и фактических ошибок. Отечественному законодателю в данном вопросе следовало бы воспользоваться зарубежным опытом. Так, например, в соответствии со статьей 38 УК Японии, если лицо, совершившее преступление, во время его совершения не знало, что совершает преступление более тяжкое, чем то, которое оно, по его мнению, совершает, к нему не могут применяться меры соответственно совершенному им в действительности более тяжкому преступлению. Отсутствие умысла совершить преступление не может образовываться через незнание закона¹.

В соответствии со статьями 19, 20, 23 УК Швейцарии:

1)если лицо действует под влиянием ошибочного представления об обстоятельствах дела, то судья осуждает лицо за совершение деяния, трактуя обстоятельства дела так, как лицо представляло их себе;

2)если лицо, совершившее преступление, исходило из достаточных оснований полагать, что оно действует правомерно, то судья по своему усмотрению может смягчить наказание или освободить от него;

3)если средство, при помощи которого кто-либо пытается совершить преступление, либо предмет, против которого оно направлено, обладает такими свойствами, что с их использованием или в отношении них преступное деяние вообще не могло быть совершено, то судья по своему усмотрению может смягчить наказание.

В соответствии со статьями 16, 17 УК Германии:

1)кто, совершая деяние, не знает об обстоятельстве, которое относится к составу деяния, предусмотренного законом, тот действует непреднамеренно;

¹ Уголовный кодекс Японии. – СПб., 2002. – С. 51–52.

2)кто, совершая деяние, ошибочно воспринимает обстоятельства такими, какие относились бы к составу деяния, предусмотренного более мягким законом, может быть наказан за намеренное деяние только по более мягкому закону;

3)если у лица, совершившего деяние, отсутствует понимание того, что оно действует противоправно, то оно действует невиновно, если оно не могло избежать данной ошибки.

В завершении хотелось бы отметить, что проблемы квалификации возникают в связи с отсутствием или несовершенством целого ряда дефиниций. Так, например, в УК РФ отсутствуют определения особой жестокости, крупного ущерба и т. д. В свою очередь, дефиниция, например, жилища, не позволяет четко обозначить круг объектов, которые подпадают под данное определение.